Чжан Хуахуа не знала, грустить ей или нет, но на лице её застыла улыбка. Она гордо вскинула голову, подставив всем свою залитую краской щёку, — последнюю попытку сохранить достоинство. — Так за что же она меня ударила?

Чжу Чжу прикрыла ладонью распухшую щёку, глаза наполнились слезами. — Я же извинилась, — печально проговорила она.

— Хе-хе-хе, извинилась? — Чжан Хуахуа склонилась в лёгком, почти невесомом поклоне, и в голосе её зазвучала насмешка. — Тогда и я перед тобой извиняюсь.

Морщинистое лицо бабушки Чжан расцвело, словно хризантема. — Верно, верно, наша Хуахуа извинилась, и ты извинилась, Чжу Чжу! Ты же девица разумная, не держи на неё зла.

Матушка Хуа поддакнула с подобострастной улыбкой:

— И впрямь, негоже быть пристрастным. Вы обе — нежные барышни, к чему друг другу досаждать?

— Вы… вы все… — Щека у Чжу Чжу всё ещё пылала, крупные слёзы катились из глаз, а рыдания, казалось, выплёскивали наружу всю обиду, что скопилась у неё на душе.

Цзинь Синь, человек мягкосердечный, принялся тихо утешать Чжу Чжу, и во взгляде его читались жалость и забота.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — Чжан Хуахуа вдруг разразилась смехом. Вся её горечь и досада будто вырвались наружу вместе с этим странным хохотом. Она указала на Чжу Чжу и с гневом произнесла:

— Чжу Чжу, мне не дано твоей хитрости, не владею я твоим умением превращать белое в чёрное, а чёрное — в белое. — Её острый взгляд скользнул по присутствующим «свидетелям», и она фыркнула:

— Да и судьба моя не столь счастлива. У тебя есть любящий отец, и в доме — достаточно серебра, чтобы любую неправду обратить в правду.

— А у меня, Чжан Хуахуа, ничего этого нет. — Она пошатнулась и отступила на пару шагов. Взгляд её, прежде полный любви, прояснился, будто озарённый внезапным прозрением. — Господин Цзинь Синь, верь или не верь — твоя воля. Но я, Чжан Хуахуа, клянусь, что ни разу не солгала тебе.

Чжу Чжу ухватилась за руку Цзинь Синя, и слёзы, казалось, никогда не иссякнут в её глазах. — Она лжёт! Она лжёт! Я… я не…

Цзинь Синь смотрел на будто бы другую Чжан Хуахуа в полном недоумении. Он лишь разинул рот, не в силах вымолвить ни слова. Она казалась теперь совсем иным человеком — твёрдость во взгляде, непоколебимая уверенность в голосе, и каждое слово звучало как чистая правда.

— Довольно! — Генерал Хунмэнь холодно наблюдал за этой мелодрамой. Повидавший на своём веку немало людей, он хлопнул сына по плечу и бросил одобрительный взгляд на Чая Цзыжаня. — Ты с младых ногтей был недалёк — ни в драке, ни в умении хлестать кнутом Асиня не превзошёл. Зато глаза, повзрослев, стали зорче, чем у него.

Чай Цзыжань, удостоившись похвалы от старшего, торжественно поднялся и отвесил низкий

поклон:

— Благодарю дядю Хунмэня за доброе слово. — Хотя в душе он не слишком-то обрадовался. В понимании генерала перспективен тот, кто может с ним драться — как Мо Цзюцзюнь. Тот, кто выдерживает его побои, — подаёт надежды, как Цзинь Синь. А тот, кто не выдерживает и обычного удара железной ладонью, — безнадёжная хворостина. Как он, Чай Цзыжань.

— М-м, — генерал Хунмэнь не придавал значения подобным церемониям. Мысль наставить Чая Цзыжаня на путь истинный, увидев, как тот уселся и с наслаждением принялся щёлкать семечки, мгновенно улетучилась.

Учить такого — только время тратить.

Чжу Чжу вцепилась в рукав Цзинь Синя. Оба были облачены в алые свадебные одежды. Сегодня должен был стать днём их союза, но генерал Хунмэнь ворвался в дом мясника Чжу, на глазах у всех увёл жениха и поволок его в управу бить в барабан и взывать к справедливости. Увидев, что люди генерала крепки и явно не лишены боевых навыков, Чжу Чжу, не раздумывая, схватила красное покрывало и, волоча за собой тяжёлую парчу с вышитыми фениксами, бросилась вслед.

Хрупкая девушка в неуклюжих одеждах, с гремящей на бегу короной, была вне себя от ярости. Она пыталась бежать быстрее, но ноги заплетались, и вышитые туфельки с утками-мандаринками слетели с её ног. Поднимать их не было ни сил, ни желания — она швырнула и вторую.

У порога зала суда она ещё не успела понять, что происходит и кто увёл Цзинь Синя, как увидела Чжан Хуахуа и своего жениха в красном, стоящих рядом. Они стояли так близко, что ей захотелось закатать Чжан Хуахуа такую пощёчину, чтобы та навсегда забыла, как к нему подбираться.

Что она, собственно, и сделала.

А теперь, услышав слова генерала Хунмэня «Ну что ж!» и его упрёк Цзинь Синю в непрозорливости по сравнению с Чаем Цзыжанем, Чжу Чжу тревожно взглянула на генерала. Тот, могучий, будто медведь, с пронзительным взглядом, лишь мельком кинул на неё взор — и её обуял страх.

Цзинь Синь, всегда бывший галантным с дамами, заслонил собой Чжу Чжу. Пусть он и трепетал перед отцом, но о девушке тоже беспокоился. Он медленно поклонился:

— Отец, мы с Чжу Чжу любим друг друга. Мы уже обвенчались, и, вернувшись в столицу, всё равно устроим…

Генерал Хунмэнь отмахнулся, не желая слушать пространные речи о браке. Он холодно посмотрел на Цзинь Синя, и взгляд его был отстранённым, будто он видел перед собой чужого человека. — Ты и впрямь хочешь на ней жениться?

Цзинь Синь был озадачен. Отец, хоть и суров, всегда был человеком широких взглядов. Когда его двоюродный брат Цзинь Мин вознамерился жениться на певице с дурной славой, и весь клан воспротивился, лишь отец поддержал его, заявив: «Жениться или нет — воля Цзинь Мина, вам-то что?» Позже брат женился на певице, и никто из родни на свадьбу не явился — кроме отца. Тот сказал Цзинь Мину: «Я к тебе как к сыну, и ты меня за отца почитай». А когда певица родила сына, отец часто навещал их и хвалил мальчика, говоря: «В нём есть

хунмэньская стать».

Род Цзинь Синя служил военными ещё при павшей династии, но милости от императорского дома не снискал и постепенно захирел. Нынешний государь, ценя заслуги генерала-основателя, по его рекомендации приблизил к себе и отца, даровав ему титул «Генерал Хунмэнь» — единственного в Поднебесной. Честь для семьи Цзинь неслыханная.

Был ли сын Цзинь Мина похож на отца и обладал ли хунмэньской статью — не столь важно. Важно было то, что отец взял ту семью под свою защиту, ясно дав понять столичной знати: пусть Цзинь Мин и женился на певице, но если он, генерал, их принимает, то и другим обижать не дозволено.

Цзинь Синь сжал руку Чжу Чжу и твёрдо кивнул:

— Да.

Дрожащая ручка Чжу Чжу, ощутив его твёрдую хватку, успокоилась. На лице её проступила подобострастная улыбка, и она тоненько пропищала:

— Отец.

— Хм! — Генерал Хунмэнь холодно окинул Чжу Чжу взглядом, затем долго смотрел на Цзинь Синя и наконец вздохнул:

— Ладно. Сыновей у меня хватает, и без тебя обойдусь. Ступай, заводи свой дом!

— Что? — Цзинь Синь опешил. Мать его рано умерла, отец новых жён не брал, лишь держал одну наложницу, что в глазах столичных чиновников едва ли не считалось благородством. Наложница родила ему дочь и на том успокоилась. Цзинь Синь был единственным сыном. — Отец, но как же…

Генерал Хунмэнь махнул рукой, всем видом показывая, что сыновей у него много, а этот слишком болтлив. Он повернулся к уездному начальнику Мо Цзюцзюню, который скучал, подбрасывая судейский молоток, и сказал:

— Зачитывай!

Мо Цзюцзюнь слегка нахмурился и холодно взглянул на Чая Цзыжаня. Тот, поняв, что настал его черёд сыграть в спектакле, уступил место Ло Бо, который уже полдня смотрел на него с тоской, и с важным видом вручил ему пригоршню семечек:

— Полдня слюнки текут. Я не жмот, на, держи, все твои.

— … — Ло Бо молча посмотрел на семечки в ладони, уселся на место помощника судьи и уже собрался начать трапезу.

Чай Цзыжань обернулся и, улыбаясь, сказал:

— Смотри, ядрышек побольше отложи, я люблю полные. — Помолчав, добавил с доброжелательным видом:

— А пустые можешь сам доесть.

Ло Бо: «…»

Чай Цзыжань неспешно подошёл к Мо Цзюцзюню, расплылся в улыбке и заискивающе проговорил:

— Братец Цзюцзюнь, можно кое-что одолжить?

http://bllate.org/book/15931/1424066